

ПСИХОЛОГИЯ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ

РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОПЫТА ЖЕРТВ НАСИЛИЯ ДЛЯ САМОИДЕНТИЧНОСТИ ЖЕНЩИН, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ПРОСТИТУЦИЕЙ¹

© 2000 г. Е. Т. Соколова*, С. В. Ильина**

*Доктор психологических наук, профессор кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова

**Кандидат психологических наук, психолог Психиатрической клинической больницы № 12, Москва

Согласно современным исследованиям, насилие, пережитое в детстве, является фактором-предиктором для формирования пограничной личностной организации. Это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что женщины, занимающиеся проституцией, обладают личностной структурой данного типа. Проведенное эмпирическое исследование подтверждает это предположение. Женщины, занимающиеся проституцией, значимо чаще, чем испытуемые контрольной группы, сообщают о пережитом в детстве сексуальном и физическом насилии; для них характерны типичные для пограничной личности черты диффузии идентичности, низкий уровень когнитивной оснащенности образа Я с высокой зависимостью от поля и значительным участием аффективных компонентов, опора на примитивные защитные механизмы. Обсуждаются обнаруженные у женщин, занимающихся проституцией, особые параметры образа Я, специфически связанные с этим родом деятельности и эмоциональным детским опытом.

Ключевые слова: женщины, занимающиеся проституцией; самоидентичность, фальшивое телесное Я, диффузия, расщепление.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОСТИТУЦИИ КАК СОЦИАЛЬНОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА (КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

С легкой руки Р. Киплинга определение проституции как древнейшей профессии на земле получило широкое распространение. Однако это – заблуждение, ибо проституция не является ни древнейшей профессией, ни профессией вообще. На самом деле, как общественное явление, она “не просто совокупность проституток и их поведения, а плюс способы и агенты организации их деятельности... и постоянные потребители проституции, спрос со стороны которых ее воспроизводил” [1, с. 14]. Психологический же феномен проституции остается малоисследованным до сих пор. Мы полагаем, что проституция – это еще и особая структура личности, специфические особенности телесного “пласта” самосознания и особый детский опыт женщин, занимающихся ею.

Термин “проституция” появляется в России при Екатерине II, в это же время начались статистические исследования о развитии сифилиса по материалам военных госпиталей [1]. Возникновение же проституции датируется намного более ранним временем: документированные сведения

о ней указывают на XVIII столетие. Как отмечает С.М. Соловьев, “бродячие” женщины наполняли любые людные места – базары, бани, блинные, харчевни. В прошлом столетии в науке разгорается жаркий спор о том, каковы же причины возникновения и неистребимого существования проституции на протяжении веков. В этой связи возникает две гипотезы. Первая из них – *антропологическая*, утверждавшая, что есть женщины, генетически обреченные на постоянное провоцирование проституции. По мнению исследователей данного направления, в общей массе населения есть особи дегенерирующие, вырождающиеся, как во всем живом. Это и есть постоянный “резерв” проституции, и именно поэтому справиться с ней невозможно. Антропометрические и биолого-физиологические исследования испытуемых в рамках данной концепции обнаруживают, среди прочего, интереснейшие черты личностей этих женщин, а именно: “бедный эмоциональный мир, погашенное материнское чувство, отсутствие стыдливости и альтруизма, лживость, тщеславие, моральная неразвитость и неумение планировать” [17]. Не удаляясь в сферу научных спекуляций, отметим, что многие из этих черт спустя много лет стали диагностическими категориями ряда личностных расстройств, в частности, пограничного и нарциссического. Другая любопытная деталь – уже в этот период в результате прово-

¹ Выполнено при поддержке РФФИ, гранты № 96-06-80327 и № 00-06-80047.

дящихся опросов появляются и накапливаются сведения о том, что значительный процент в контингенте испытуемых занимают женщины изнасилованные (часто в детстве), соблазненные и брошенные любовниками, решившие своей последующей безнравственной жизнью отомстить обманувшим их мужчинам [11].

К другой гипотезе – *социологической* – примкнула подавляющая часть изучающих феномен проституции, считавших, что ничто так не способствует ее распространению, как безысходная материальная нужда и законодательная необеспеченность женщины на рынке труда [1]. Исследователи выделили две основные формы проституции: официально признанную (“поднадзорную”) и неофициальную (“гражданскую”). По уровню доходов и типу потребителей женщины подразделялись на три основных класса: высший (“камерный”), состоящий в основном из иностранок, преимущественно француженок или немок, средний (“мещанский”), низший (“панельный”). Социологи и медики отмечают, что уровень сексуальных нагрузок был у уличных женщин чрезвычайно высок – на Рождество и Пасху в самых дешевых заведениях на одну женщину приходилось до 60–80 человек в сутки [1, 9]. Исследования показали, что по отношению к сексуальной жизни их можно было разделить на три группы: самую большую составляли женщины равнодушно-апатичные, безразличные; женщины другой группы испытывали отвращение и негативное отношение к сексу; самую небольшую группу составляли женщины, по сути, гиперсексуальные, которые “отдавались, как истинные вакханки, с горячностью и страстью” ([11], стр. 71). Заметим, что, как сейчас известно, негативное, безразличное или излишне пристрастное отношения к сексу часто обнаруживают у жертв сексуального насилия в детстве, пытающихся таким образом справиться с переживаниями вины и отвращения, или страдающих от последствий слишком ранней сексуальной стимуляции.

Дальнейшее изучение проблемы проституции постигает такая же участь, как и проблемы сексуального насилия – исследования, публикации, дискуссии на эту тему на долгие годы исчезают из отечественной научной и публицистической литературы. Фактически существование проституции отрицается, хотя в это же время проводятся юридические и социологические исследования проституции под грифом “Для служебного пользования”.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОСТИТУЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТАХ

В 1980-х гг. появляются первые публикации, сначала в ежедневных газетах, потом и в серьез-

ных научных журналах [2]. При изучении российских исследований последних лет поражает то, что более чем за 100 лет жизнь, быт “продажных женщин”, их социальная стратификация ничуть не изменились. Все так же существуют три класса: валютные, или элитные проститутки; “уличные”, занимающиеся этим ремеслом в Москве на Тверской, в Петербурге – на Невском, и “вокзальные”, такие же нищие, оборванные, грязные и больные, как и 100 лет назад [6]. Если социологическое, сексологическое и медицинское изучение проституции в России можно считать возродившимся, то психологические исследования только начинаются. Отметим, что и зарубежные исследования проституции как психологического феномена не относятся к числу распространенных. Вторичное “открытие” этой проблемы происходит примерно в то же самое время, что и признание других общественных проблем, требующих пристального психологического изучения, в частности, проблемы сексуального насилия в семье. Вопрос о взаимосвязи сексуального или иного насилия в детстве и последующем вовлечении в занятия проституцией начинает возникать еще позже, в самом конце 1980-х гг. Так, исследование девчонок-подростков, занимающихся проституцией, показало, что такая связь существует: вовлечение в сексуальный бизнес происходит преимущественно потому, что дети, подвергающиеся насилию в семье, убегают из дома на улицу [34]. Вместе с тем, проблема личностной специфики женщин, занимающихся проституцией, их семейной и личной истории пока не ставится, акцент, как и столетие назад, делается преимущественно на социальном аспекте этого явления. В этой связи небезынтересны немецкие экспериментальные исследования проституции как “совладания” (coping) с опытом пережитого насилия [31], которые можно рассматривать в качестве одного из ракурсов проблемы саморегуляции.

Американские исследователи обнаружили большое количество случаев изнасилования, инцеста и других видов сексуальных травм в истории жизни молодых девушек, занимающихся проституцией [21, 23, 24]. Теоретико-методологической основой большинства эмпирических исследований, по преимуществу, становится когнитивная психология и теории социального научения: в качестве исследовательского инструментария выступают опросниковые процедуры, а полученные результаты трактуются в терминах обучения неадаптивным моделям поведения. В частности, полагается, что любая внутрисемейная травма делает подростка более склонным к делинквентному поведению, но сексуальная травма, в контексте гендерных различий сексуального развития, формирует специфические стратегии “совладания”, в частности, заставляет этих девушек искать партнеров намного более старшего возраста и в гораздо боль-

шем количестве, чем это происходит обычно [30]. Схожие результаты продемонстрировало исследование промискуитетных тенденций у подростков мужского пола: слишком ранняя, допубертатная сексуальная инициализация с женщиной, старшей по возрасту более, чем на два года, статистически значимо взаимосвязана с большим, чем в норме, количеством сексуальных партнерш впоследствии [35].

В нашей стране клинико-психологические исследования проституции пока практически отсутствуют, хотя необходимость их очевидна [1]. Отдельные исследователи осуществляют социологический, статистико-эпидемиологический анализ, указывают на неразработанность и непроясненность данной проблемы как собственно психологической. Вместе с тем, внимательное прочтение посвященных проституции работ позволяет прийти к выводу, что личность женщины, занимающейся проституцией, обладает определенными, специфическими особенностями. Дальнейшее изучение этой проблемы продемонстрировало, что, хотя проституция и может быть попыткой справиться с перенесенным в детстве насилием, к такому способу совладания с насильственным опытом прибегают именно те жертвы дурного обращения, которые оказались без психологической помощи [31]. Таким образом, можно предположить, что именно нераскрытое или скрываемое насилие оказывается мощным фактором-предиктором для последующего вовлечения в проституцию, или для формирования паттернов промискуитетного поведения. Формально не являясь проституцией, промискуитет становится трудно выявляемым симптомом ненасыщаемого "аффилиативного голода", столь характерного для пограничной личностной организации [4]. Предлагаемый ракурс теоретического и эмпирического изучения проблемы не является ни общепринятым, ни достаточно подтвержденным уже имеющимися исследованиями. Можно отыскать некоторые фрагментарные данные о взаимосвязи пережитого в детстве насилия и последующего вовлечения в занятия проституцией в исследованиях специалистов разных стран, однако трудно сказать, что релевантные результаты уже получены.

Все это позволило нам обосновать научную актуальность реализованного исследования, в ходе которого эмпирически проверялись следующие **гипотезы**: детский эмоциональный опыт женщин, занимающихся проституцией, содержит интенсивные переживания сексуального, физического и психологического насилия. Поскольку исследования последних лет показывают, что пережитое в детстве насилие является мощным фактором-предиктором развития пограничной и/или нарциссической личностной структуры, это позволяет предположить, что женщины, занимаю-

щиеся проституцией, обладают личностной структурой такого типа [5].

Целью нашего исследования стали психологический анализ и выявление особенностей самоидентичности женщин, занимающихся проституцией, в связи с эмоциональным опытом насилия, пережитого в детстве. В связи с этим были сформулированы следующие **задачи** исследования:

1. Анализ психосоциальных (семейных) и клинико-психологических факторов и условий формирования жертвенной, виктимной личностной организации и личностного стиля.

2. Сопоставление фазовых системообразующих особенностей самосознания и образа Я в группе женщин, занимающихся проституцией, и группе пациентов с личностными расстройствами, выступившей как группа сравнения, для выявления личностных особенностей, определяющих риск подверженности насилию.

3. Разработка и апробация психодиагностических приемов и процедур обработки эмпирических данных, адекватных задачам выявления, анализа и психологической квалификации последствий, которые имеет для личности и самосознания эмоциональный опыт сексуального, физического и/или психологического насилия, перенесенного в детстве и отрочестве.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ НАСИЛИЯ И ЕГО СВЯЗЬ С ОСОБЕННОСТЯМИ САМОИДЕНТИЧНОСТИ ЖЕНЩИН, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ПРОСТИТУЦИЕЙ: ОПЫТ КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретико-методологический контекст исследования. Одна из основных методологических проблем, возникающих в исследованиях такого рода – это проблема достоверности сведений о пережитом насилии. Ученые, занимающиеся эпидемиологическими исследованиями сексуального насилия в популяции, так же как и некоторые психологи-практики утверждают, что научное сообщество склонно скорее недооценивать, чем переоценивать количество подобных случаев. Однако не менее сильны голоса скептиков, одни из которых ссылаются на известный пересмотр З. Фрейдом теории "семейного соблазна", другие связывают исследовательский "бум" вокруг проблематики насилия со своеобразной модой и агрессивностью феминистского движения, третьи сосредотачиваются на критике и совершенствовании "технологий" исследования, упоывая на спасительную силу статистики и магию больших репрезентативных выборок, математических моделей и пр. в противовес знаниям, извлекаемым *идеосинкразическим* путем, методом изучения индивидуальных случаев, *прецедентов* (case

study), в рамках психотерапевтического процесса или проективного обследования.

Один из путей вывода исследований проблематики насилия из методологического тупика, как нам представляется, лежит, во-первых, в освобождении проблемы насилия от ореола “скандальности” и, во-вторых, рассмотрении ее в контексте различия методологии субъект-объектного *познания* и субъект-субъектного *понимания*, что соответствует различиям классической естественно-научной и гуманитарной парадигмы. Если касаться нашего первого замечания, то рассказы по памяти о “фактах” насилия в любом случае демонстрируют высокую готовность к воспроизведению его образов, повышенную сенсibilitätность и актуальность подозрительно-враждебной установки. Как любые образы восприятия или памяти, понятия, убеждения, они подвержены многообразным “искажениям” со стороны прошлого, настоящего и будущего, несут отпечаток индивидуальности когнитивного и личностного “устройства” человека, являются смесью факта и фикции, имеют порой длинную временную историю напластования различных эмоциональных переживаний, бессознательных подтасовок, рефлексивных переосмыслений.

Некоторые закономерности и психологические механизмы бессознательной саморегуляции, ответственные за искажения подобного рода аффективно-когнитивных комплексов, были описаны уже в раннем психоанализе; достаточно и уместно сослаться здесь на известный случай Анны О. [18], открывший тонкое переплетение “реальных” и трансферентных/контртрансферентных событий. В дальнейшем источники и функции подобных искажений уточнялись сторонниками ревизии “метапсихологических построений психоанализа” (Н. Hartmann, D. Rapaport, R. Schafer), переформулировались и экспериментально изучались в 50–60 гг. в рамках системных исследований New Look (J. Bruner, G. Klein, R. Gardner, H. Witkin), в последние годы интерес к этой проблематике возродился под влиянием теории “объектных отношений” и сфокусирован на процессе формирования “Я и объект-репрезентаций” (М. Klein, Н. Kohut, О. Kernberg). Эта линия научных изысканий на протяжении многих лет привлекала наше внимание и служила путеводной нитью проводимых исследований “искажения” самосознания и самоидентичности у пациентов с расстройствами личности. Настоящее исследование встраивается, таким образом, в обозначенный контекст.

Возвращаясь к вопросу о “достоверности” рассказов пациентов о насилии, стоит заметить, что ни одно “признание” пациента не может быть верифицировано на достоверность, по крайней мере так, как это делается в криминалистике, где

чистосердечное признание нуждается в подтверждении со стороны объективных фактов; психолог-диагност или психотерапевт вообще находится в принципиально иной позиции по отношению к своему “объекту”. Все, что психолог может (и делает) – это вместе с пациентом, в общении-диалоге, “вживаясь в его шкуру”, понять, *каким именно способом* пациент видит, слышит, чувствует, строит концепции; самое большое – отважиться подвергнуть проверке и интерпретации его идеосинкразический способ добывания фактов и внутреннюю логику установления причинно-следственных связей, многообразные следствия сообщенного, их смыслы, совершенные на их основе поступки, сами становящиеся причинами не в меньшей степени, чем породившие их первопричины. Причем “достоверность” сообщенного верифицируется здесь не иначе как через достоверность понимания внутреннего мира переживаний одного человека другим, как достоверность интерпретации-в-общении. Речь идет, конечно, об особых формах общения, где весь смысл и состоит в попытках понимания (в том числе, и попытках уклонения от него), что мы и наблюдаем в психотерапевтических взаимоотношениях трансфера и контртрансфера. Здесь имеет смысл сослаться на нашу приверженность двум, на первый взгляд несовместимым или пока еще не достаточно синтезированным методологическим традициям – диалогической и герменевтической, которые обе тесно связаны с процессами познания как они понимаются в гуманитарных науках, где фундаментальным вопросом является вопрос не “факта”, но смысла, где по изящному выражению Гадамера, “...психолог не принимает утверждение пациента за чистую монету, но задается вопросом о том, что происходит в бессознательном пациента. Таким же образом историк толкует записанные факты, чтобы раскрыть истинный смысл, который они выражают, но также и скрывают” (цит. по [19], с. 516). В этой связи подчеркнем, что основным методом настоящего исследования выступала интерпретация смысла текста, порождаемого в общении двух индивидуальностей, пациента и психолога, полуструктурированном рамках предлагаемых методик, благодаря которым это общение происходило. Именно по причине несомненного влияния контекста общения, толкования рассказов, образов и метафор проективного текста принципиально многозначны и открыты для ре-интерпретаций “третьей стороной” – читателями. Следуя этой логике, нам казалось обоснованным в качестве альтернативы “насилию-как-факту” обратиться к понятию “эмоциональный опыт насилия”, имея в виду сложный комплекс эмоциональных впечатлений, образов памяти, фантазий, который может иметь различную степень дифференцированности, в котором по-разному соотносены при-

митивные и высокоуровневые образования, когнитивные и аффективные компоненты, причем каждый этап онтогенеза самосознания привносит в содержание и структуру этого комплекса свой специфический вклад. Таким образом, устанавливать причинно-следственные связи между “насилием” и последующей историей развития личности мы можем лишь путем гипотетических реконструкций, опираясь на субъективную логику пациента, в поисках смысла доверяя ей и собственной способности эмпатического понимания Другого.

Предложенная трактовка категории “эмоционального опыта насилия” тесно перекликается с используемыми в современном психоанализе понятиями “Я- и объект-репрезентации”. Как и эмоциональный опыт, репрезентации не являются точным “отражением” Я или объекта, а представляют собой интрапсихические паттерны, которые претерпевают изменения со стороны того или иного бессознательного процесса (любви или ненависти), со стороны фантазий, защитных механизмов и способности к “проверке” реальности [8, 28, 32]. Предполагается, что интеграция репрезентаций осуществляется в ходе сложной динамики отношений Я-Другой и прогрессирующей интернализации постепенно дифференцирующихся репрезентаций, причем успешность или неудача в разрешении специфических задач развития этих отношений на каждом из определенных критических этапов онтогенеза Я определяет степень внутренней связности частных репрезентаций в итоговой самоидентичности, что предлагается рассматривать в качестве главного критерия как зрелости личности, так и ее патологии (Э. Эриксон, О. Кернберг, Н. Kohut, S. Akhtar, M. Mahler). Отвлекаясь от нюансов и известных противоречий в трактовках этого процесса разными авторами, все же можно выделить два центральных синдрома нарушения самоидентичности, соотносимых преимущественно с пограничной и нарциссической патологией личностной организации: синдром “диффузии самоидентичности” и синдром “грандиозного Я” [22, 33].

В настоящем исследовании мы попытались применить разработанный подход к изучению влияния эмоционального опыта насилия на особенности самоидентичности женщин, занимающихся проституцией. При этом выделялись и эмпирически исследовались такие формальные и содержательные ее “параметры”, как пространственно-временная дифференцированность/интегрированность; аутентичность/фальшивость; противоречивость/самопоследовательность, полоролевая самотождественность/инверсия, проявляющиеся как на уровне телесного, так и психосоциального Я. Предполагалось также, что нарушения самоидентичности следует рассматривать во взаимосвязи с двумя другими базовыми характеристиками лич-

ностной организации – репертуаром защитных механизмов и способами тестирования, или проверки, реальности, единство и индивидуальную вариативность которых обеспечивает когнитивный стиль личности.

МЕТОДИКА

Выбор методик определялся предметом, целями и задачами исследования. Использовались тест Роршаха, ТАТ, тест вставленных фигур Виткина, Рисунок человека, Рисунок несуществующего животного, методика исследования самооценки с проективными свободными шкалами (модификация Е.Т. Соколовой) и ряд разработанных и модифицированных в соответствии с целями и задачами настоящего исследования проективных методических процедур, схем анализа и обработки данных, таких, как Шкала оценки интенсивности эмоционального опыта пережитого насилия, методика “Пять событий детства”, проективный рисунок “Семья, в которой я вырос”. Психодиагностическое обследование предвляло интервью, целью которого было установление эмоционального контакта с испытуемыми и получение сведений о раннем периоде жизни. Большинство выбранных для исследования методик были проективными, т.е. представляли собой неопределенные стимулы, на которые испытуемый проецирует собственные бессознательные опасения, фантазии, представления и т.д. Статистическая обработка результатов включала процедуру кластерного анализа, применение непараметрического коэффициента корреляции Спирмена, различия между группами анализировались с помощью статистики Вилкоксона для независимых выборок.

Объект исследования

Исследование проводилось на базе клиники филиала ЦНИКВИ. В нем приняло участие 30 женщин, занимающихся проституцией от полугода до 5 лет, средний возраст 23.7 (± 0.7) лет, и проходящих лечение в клинике по поводу различных венерических заболеваний, в основном, сифилиса. Результаты исследования этой группы сопоставлялись с результатами обследования контрольной группы – 76-и пациентов Психиатрической больницы № 12 г. Москвы с расстройствами личности пограничного уровня, средний возраст 36.9 (± 0.5) лет.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Из данных проективных методик, направленных на выявление и анализ ранних детских воспоминаний, и материалов клинического интервью, следует, что в раннем опыте женщин-испытуемых интенсивность эмоционального опыта сексуального и физического насилия действительно высока и превышает таковую не только в среднем в популяции, но и среди пациентов с личностными расстройствами, выступивших как группа сравнения. Кроме того, опыт насилия у этих женщин часто сочетается с эмоциональной депривацией в виде разрывов важнейших для ребенка эмоциональных связей со значимыми Другими, в первую очередь, с матерью.

Диагностические данные теста “Рисунок человека”. Рассмотрим результаты исследования с помощью методики “Рисунок человека”, поскольку изображение человеческой фигуры своего и про-

типоволоженного пола репрезентирует образ телесного Я субъекта, т.е. совокупность представлений о собственной телесности, половой идентификации, границах тела и, что особенно важно, эмоциональном отношении к нему, приятии/неприятности телесности в целом и телесных отправлениях, в частности. За единицу анализа был принят уровень дифференцированности и интегрированности образа Я, измеряемый по шкале Н. Marlens и Н. Witkin. Кроме того, в соответствии с задачами исследования и с учетом всего массива диагностических данных введен ряд дополнительных категорий – шкал оценки рисунка, гипотетически “патогномоничных” эмоциональному опыту сексуального и физического злоупотребления: *наличие/отсутствие инверсии пола, целостность/фрагментированность образа Я, высокий/низкий уровень проницаемости границ изображенных фигур, сжатые вместе/нормально расставленные ноги, наличие/отсутствие “генитального акцента”*.

Наличие *инверсии пола* констатируется, если испытуемый изображает первой фигуру противоположенного пола. Согласно Н. Marlens, порядок рисования фигуры своего или противоположенного пола считается проекцией эмоционально-ценностного отношения рисующего к собственной половой принадлежности и идентичности. Под *целостностью телесного образа Я* на рисунке мы подразумевали наличие всех основных частей тела, т.е. целиком прорисованной фигуры, черт лица, одежды; отсутствие важных частей тела квалифицировалось как *фрагментированность* телесного образа Я. *Уровень проницаемости границ изображенных фигур* переживания вторжения в телесные и психологические границы, ощущение их хрупкими, неопределенными или неустойчивыми будут проецироваться на изображение человеческой фигуры в виде неравномерной линии контура, разрывов и пропусков, различных “повреждений” изображения, например, таких, как зачеркивание или излишне грубая штриховка.

Следующие три категории анализа были выделены на основе исследований R.A. Hibbard, G.L. Hartman [26], [27]. Как показывают исследования этих авторов, *наличие сжатых вместе ног у фигуры человека* – это характерная деталь в изображениях человеческой фигуры у детей, переживших сексуальное насилие, что передает состояние напряженности, “зажатости”. *Преувеличение размеров* отдельных частей человеческой фигуры мы трактуем метафорически-буквально как преувеличение субъективной значимости и ценности их. *Преувеличенно большие руки* – также типичная характеристика рисунков жертв сексуального злоупотребления; при количественном анализе этот показатель учитывался для фигур человека обоего пола, поскольку преувеличенно

Таблица 1. Сведения о семейной ситуации в контрольной и экспериментальной группах (в %)

События семейной жизни	Контрольная группа	Экспериментальная группа
Физическое насилие	43.1	37.5
Сексуальное насилие	26.4	41.7
Смерть одного из родителей	16.7	33.3
Развод родителей	26.4	33.3
Наличие отчима или мачехи	9.7	16.7
Наличие в семье родственника, страдающего алкоголизмом или наркоманией	40	45.8
Помещение в пятидневные ясли и детский сад, интернат или другое воспитательное учреждение	7	16.7
Мать оставила семью	0	16.7
Не знают родителей (сироты, отказники)	0	16.7

большие руки у фигуры собственного пола можно толковать как защиту по типу идентификации с агрессором.

Изображение гениталий статистически чаще встречается в рисунках детей – жертв сексуального насилия, чем в обычной выборке, в то же время, подчеркивают исследователи, эта характеристика не является абсолютным диагностическим критерием, а выступает лишь как тенденция, отчетливо заметная при обследовании репрезентативных выборок. Мы предлагаем категорию “генитального акцента” для обозначения *преувеличенного* внимания рисующего к этой телесной области, как и предыдущий критерий, указывающего на повышенную субъективную значимость этой части телесного Я, вносящего своего рода перекокс и искажение сбалансированности “пространства” телесной самоидентичности. В отличие от детей, взрослые крайне редко изображают анатомически подробное обнаженное тело или прорисовывают его в анатомических подробностях; если же подобные “особые феномены” отмечаются (и не только в тесте “Рисунок человека”, но и в тесте Роршаха), то патогномоничность их расстройствам личности возрастает.

Очень часто поза и расположение частей тела и деталей одежды на рисунке таково, как если бы изображенный человек пытался как-то защитить или скрыть, спрятать генитальную область. Так, например, испытуемые часто изображали фигуру, стоящую с засунутыми в карманы руками, при этом изображение пояса и карманов выделялось другим цветом, жирными линиями или штриховкой. Само по себе это вряд ли в ста процентах случаев указывает на внимание к гениталиям, однако эти рисунки имеют одну необычную особенность: у большинства изображенных фигур ноги сдвинуты вместе. Это крайне неудобная, неустойчивая поза, связанная с напряжением мышц ног и тазовой области, которую, например, принимает человек, не желающий показать, что у него сильно разболелся живот. Изображенная таким образом фигура выглядит так, как если бы человек, держа руки в

Таблица 2. Особенности телесного образа Я в контрольной и экспериментальной группах

Категория анализа	Контрольная группа	Экспериментальная группа
Инверсия пола	0.43 ± 0.6	0.29 ± 0.9
Уровень проницаемости границ	0.69 ± 0.07	0.68 ± 0.12
Фрагментированность	0.44 ± 0.08	0.55 ± 0.17
Сжатые вместе ноги	0.24 ± 0.05	0.23 ± 0.09
Преувеличенно большие руки	0.31 ± 0.05	0.27 ± 0.09
Генитальный акцент	0.40 ± 0.06	0.86 ± 0.27

карманах, тем самым поддерживал сдвинутыми вместе собственные ноги. Другой пример касается изображения обнаженной человеческой фигуры своего пола без половых признаков, тогда как фигура противоположного пола изображена в одежде. Такой рисунок может являться способом продемонстрировать окружающим собственную “генитальную неуязвимость”: “Смотрите, у меня “там” ничего нет!”. Еще более иллюстративным является пример рисунков, на которых изображенные персонажи прикрывают скрещенными руками низ живота. Для испытуемых эта категория оказалась наиболее типичной среди всех анализируемых показателей. Абсолютное большинство испытуемых демонстрируют повышенное внимание к этой части рисунка, хотя оно может быть выражено с разной степенью интенсивности.

Данные методики реконструируют особенности телесной самоидентичности испытуемых таким образом: высокий уровень проницаемости границ сочетается с большой степенью фрагментированности, “разорванности” образа Я, расчлененности его на плохо интегрированные отдельные “куски”. Образ Я обладает низкой степенью артикулированности, половая идентичность лишь в ряде случаев сохранна и адекватна, в некоторых случаях нарушена грубо. Распространенность “генитальной акцентуации” лишь отчасти может объясняться родом занятий, скорее, это отражает широкий спектр эмоций и ощущений, связанных с этим родом деятельности: от отвращения – до живого интереса и азарта, от фригидности – до гиперсексуальности. Повышенное внимание к гениталиям у испытуемых не носило собственно сексуального характера, создавалось впечатление, что сексуальность этих женщин как бы отделена от переживания своей телесности. Описанный феномен назван нами “расщеплением системы телесных смыслов”: анатомический смысл при этом “выпячивается” и гиперболизируется, что выражается в преувеличенной ценности к здоровью, целостности определенного органа, в то время как эмоционально-телесный смысл, связанный с ощущениями и переживаниями собственно своей сексуальности, отрицается и осуждается. Известно, что ценность отдельных телесных качеств изменчива и зависит от пола и возраста, от происходящих в обществе процессов, от того, болен ли субъект психически, физически, или здоров. В то же время, она тесно связана

со степенью самоудовлетворенности и знаком эмоционально-ценностного самоотношения [3, 13, 14]. Сексуальные домогательства по отношению к ребенку в виде прикосновений, щипков или тычков, а также собственно сексуальное насилие, причиняя боль, часто переживаются им как телесное “повреждение”. Таким образом, чрезмерная акцентуация внимания на *генитальной* сфере телесности, с одной стороны, и игнорирование, вытеснение *сексуальной* проблематики, с другой, указывают не только на изменение ценности определенной телесной области, но и на отсутствие связей между генитальным и сексуальным: женщины, занимающиеся проституцией, испытывают потребность “защищать” или “беречь” первое, но ничего не хотят слышать и знать о втором. В материалах проективного исследования сексуальная тематика действительно подвергается отщеплению и отчуждению, в отличие от генитальной, анатомической по сути. Как и многие другие аспекты самоидентичности, сексуальность как совокупность телесных качеств субъекта, переживаний, ощущений, фантазий и опыта, оказывается расщепленной на две независимые структуры, неинтегрированные в целостный образ Я. В основе полученных данных мы считаем обоснованным вывод о “фальшивом телесном Я” и “фальшивой” полоролевой самоидентичности испытуемых, искусственно сформированной женственности, поддерживаемой часто внешними атрибутами, “на дне” которой кроются конфликтное, преобладающе-негативное отношение к своей телесности.

Диагностические данные теста Роршаха и методики “Рисунок несуществующего животного”. Ответы, содержащие в себе указания на движения людей, животных или предметов, в протоколах теста Роршаха традиционно считаются одной из самых важных диагностических категорий. Так, в согласии с данными Н. Witkin [36], мы считаем, что М-ответы связаны с уровнем независимости/автономии субъекта, так что их отсутствие или преобладание пассивно-страдательных атрибуций указывают на зависимость, внушаемость, тревожность и дефицит творческой инициативности. В соответствии с задачами настоящего исследования, в которых важнейшим пунктом является разработка и апробация методических процедур, позволяющих квалифицировать в самом характере переживания самоидентичности знаки перенесенного ранее насилия, мы предлагаем классифицировать ответы движения М по следующим четырем категориям: *виктимные, пассивно-зависимые, активные, агрессивные ответы*.

Виктимные ответы движения содержат в себе указание на страдательную, беспомощную, “жертвенную” позицию описываемого объекта, позицию жертвы другого объекта или окружающих обстоятельств. Например: “Человек, как будто его привязали, руки к ногам. Раньше так издевались

над людьми. Руки привязывали, ноги привязывали". *Пассивно-зависимые ответы движения* чаще всего отражают образ объекта, как бы запечатленный на фотоснимке в момент начала движения. Движения, описываемые в этой категории ответов, всегда "застывшие", лишены жизни, инициативы. В эту категорию попадали ответы с недифференцированным описанием движения, когда активность объекта "мыслилась" испытуемым, но не "чувствовалась", а также "потенциальные", но не совершившиеся движения. Например: "На человека оно не похоже, но типа танца, застыло в одном движении, там вниз, а там руки вверх". *Активные ответы движения* представляют собой группу ответов, в которых движения описываются как свободные, нестесненные, совершающиеся по выбору субъекта. Описывая такие движения, испытуемый эмоционально и телесно вовлечен в них. Например: "Два украинских танцора, бацающих гопак", "Чертики голосуют на конях: -Давай! Давай!". *Агрессивные ответы движения*, как ясно из названия, включали описания драк, битв, угроз одного объекта другому и нанесения ему ущерба. К этой группе были также отнесены ответы, описывающие то или иное движение из позиции "преследователя", пытающегося "настигнуть" жертву. Например: "Что-то злое, какая-то беда. Или поугаждать кого-то хочет. Или что-то бедовое, или пугающее. Какой-то качок...". Мы полагаем, что фиксация на более ранних, соответствующих пограничной личностной организации, стадиях развития объектных отношений отразится на процессе онтогенеза в виде дефицита активности, скованности инициативы, что в протоколах теста Роршаха проявится в преобладании виктимно-зависимых и пассивных описаний движений людей и животных над описаниями активных, свободных действий. Агрессивно-деструктивные описания движений, в свою очередь, также соотносились с ранними доэдипальными стадиями развития объектных отношений, понимаемыми как проявление характерных для пограничной личности атак агрессивно-разрушительных частей личности, с которыми она не в состоянии справиться.

Содержание ответов движения в тесте Роршаха оказывается "смещенным" к полюсу пассивности и виктимности (63% ответов). Согласно этим данным, женщины, занимающиеся проституцией, более пассивны и зависимы, часто проецируют в тесте Роршаха переживания собственной беспомощности, открытости вторжению извне. На первый взгляд неожиданным выглядит *полное* отсутствие в протоколах теста Роршаха ответов агрессивного содержания. Этот факт, на наш взгляд, демонстрирует "работу" защитного механизма расщепления, с помощью которого отчуждается в сознании агрессивно-карающая часть Я, чтобы проявиться внезапными вспышками неуправляемой ярости, и сохраняется пассивно-жертвенная часть, помогающая поддерживать "презентацию" самой себя как женственной и покорной потенциальному клиенту. При этом часть отщепленной агрессии обращается на собственную телесную сферу и трансформируется в соматические симптомы, преувеличенное внимание и заботу о здоровье. Лечащие врачи часто отмечали у этих женщин ипохондрические черты – малейшее изменение в телесных ощущениях заставляло их обращаться к врачу с тревожными вопросами.

Баланс примитивных и высокоуровневых защитных механизмов считается одной из центральных характеристик личностной организации. Важнейшими примитивными защитами обычно считают расщепление и проективную идентифи-

кацию. Диагностика последней представляет наибольшее трудности в силу "разделенности переживаний пополам" между субъектом и объектом переживаний. Возможно, следы этой формы нарушения границ Я проглядывают в присутствии фрагментов садомазохистского комплекса в репрезентации Я и Другого, когда то один, то Другой демонстрируют позиции то жертвы, то преследователя, то соблазнителя, то соблазняющего. Дальнейшее развитие этих гипотез привело нас к анализу особенностей Я и объект-репрезентаций. Нами было выделено четыре типа репрезентаций: "жертва", "фаворит", "уверенный в себе" и "агрессор". Опираясь на предположение Кернберга (1998), мы считаем, что каждый из этих типов представляет собой в то же время определенный *этап* формирования этих репрезентаций. Первым этапом становится **позиция жертвы**, формирующаяся вследствие восприятия внешних объектов как всемогущих и жестоких, когда единственным способом выжить становится полное подчинение. Следующим этапом становится **позиция агрессора**, достигаемая вследствие идентификации с объектом, ярость, ненависть в отношениях со значимыми Другими. Альтернативой агрессивной позиции становится позиция "невинного наблюдателя" с циничным и фальшивым способом общения. Такая позиция нами также была обнаружена и названа **позицией фаворита**. Таким образом, репрезентации Я и объектов у наших испытуемых имеют ярко выраженный нарциссический характер и характерны при злокачественном нарциссизме у антисоциальных личностей.

Наиболее распространенной оказывается позиция жертвы (38.1%), при которой образ Другого воспринимается как враждебный и карающий, а образ Я оказывается ничтожным и ущербным. Для "жертв" характерны указания на крайнюю уязвимость, одиночество и отвержение, собственную пассивность, зависимость и слабость. Они обнаруживают не только диффузию половой идентичности, но и размытые, неструктурированные и хрупкие телесные границы, которые не могут противостоять никакому вторжению. "Мягкий, как желе", "похож на медузу", "хрупкий, его могут раскидать", – такие описания дают испытуемые этим животным. Данная позиция действительно сопоставима с нарциссической организацией личности у антисоциальных субъектов, однако, она может быть соотнесена и с пограничной структурой личности, стремящейся насытить эмоциональный голод и становящейся в зависимую позицию от "кормящего" Другого, причем если Другой фрустрирует ненасыщаемую аффилиативную потребность, то его образ переживается как враждебный, карающий или преследующий. Подобная позиция может быть сопоставлена с описанным (Е.Т. Соколовой и И.Г. Чесновой) вариантом самооценки, характеризующейся низ-

кими самоуважением и уровнем симпатии со стороны значимых Других (“слабый и плохой”), для нее характерно использование примитивного *обесценивания* (самого себя). В свою очередь, “фавориты” – это животные, описываемые как всеобщие любимцы. Они также не в состоянии постоять за себя, но им и не угрожает никакая опасность: они “слишком хороши, чтобы иметь врагов”. Позиция, демонстрируемая в этом случае, связана с тотальным *отрицанием* недоброжелательности и агрессии в свой адрес, а равно и своей собственной, адресованной другим. Животные этой группы часто описывались как домашние, находящиеся под защитой и опекой человека. Следует отметить, что наряду с сохраняющейся в этой группе диффузией идентичности, размытость телесных границ сменяется описанием приятной на ощупь текстуры покровов, мягких, пушистых и шелковистых, к которым так и хочется прикоснуться. Сочетание привлекательности и беззащитности дает представление о совершенно ином типе виктимности – кокетливой, соблазняющей (“Что со мной может случиться, ведь все так замечательно ко мне относятся!”). В описании нравов и повадок “фаворитов” доминируют черты невинности, “очаровательной незрелости”, в сочетании с уверенностью в собственной безопасности. Этот тип может быть сопоставлен с вариантом самооценки, характеризующейся низким самоуважением, но высоким уровнем симпатии окружающих (“слабый и хороший”). Кроме того, она может быть соотнесена с примитивными защитами *отрицания* и *идеализации* (как самого себя, так и другого).

Импульсивность и открытость границ искажают представления как о Другом, так и самом себе, что является проявлением нестабильного, флуктуирующего между полюсами грандиозности и ничтожества, паттерна межличностных отношений. Женщины, занимающиеся проституцией, демонстрируют относительно немного агрессивно-деструктивных репрезентаций Я и объектов (19%). В свете предположения о том, что выделенные позиции являются также и этапами формирования репрезентаций Я и объектов, становится понятным, почему агрессивный тип репрезентаций появляется именно у той части группы, в которую вошли женщины с наиболее интенсивным эмоциональным опытом насилия: необходимость справляться с повторяющимися переживаниями насилия провоцировала идентификацию с агрессором, что особым образом исказило Я и объект-репрезентации. Согласно О. Кернбергу (1998), мир объектных отношений у подобных пациентов претерпел “злокачественное превращение”, что привело к обесцениванию и садистскому порабощению потенциально хороших интернализированных объектных отношений со стороны жестокого, всемогущего Я.

Высокий показатель полезависимости по методике вставленных фигур делает данные предположения вполне обоснованными, ведь сверхвысокая зависимость от окружения, в том числе, имеет в качестве последствий спутанность границ Я и не-Я, бессознательное смешение чувств, часть которых защитно атрибутируется Другому с целью иллюзорного поддержания ощущения целостности Я. Однако “платой” за подобную целостность становится рабская зависимость от Другого, восприятие последнего как части своего Я, отданного Другому (“Я ему всю себя отдала, а он?!”). Благодаря такой зависимости восстанавливается самоидентичность, однако лишь частично, о чем свидетельствует, в частности, преувеличенная значимость репрезентации генитальной части телесного Я у фигуры своего пола, а также присутствие в репрезентациях Я как маскулиных черт (ассоциированных прежде всего с агрессивностью, враждебностью), так и фемининных (ассоциированных с жертвенностью).

Отрицание часто обнаруживается в ответах на таблицы теста Роршаха в форме отказов отвечать на таблицу или отказов от собственных, только что выдвинутых гипотез: “Это страшное чудовище... Нет, ну какое же это чудовище! Сразу видно, что шкура медвежья” *Обесценивание* встречалось в форме “испорченных” человеческих фигур или уничижительных комментариев в их адрес: “Две девочки смотрят друг на друга... Только страшненькие они какие-то, некрасивые”. Распространенность защитных механизмов такого рода неудивительна, если вспомнить, что специфика профессиональной деятельности женщины, занимающейся проституцией, вынуждает ее “не замечать” сопровождающих ее ежедневно “витальных” опасностей, среди которых и риск заражения венерическими болезнями, и вероятность быть избитой, покалеченной, даже убитой “клиентом”, подвергнуться сексуальному насилию в грубой форме. Снизить уровень напряжения, тревоги и страха в этих ситуациях способно только отрицание. Напомним, что насилие, вторжение в границы Я пронизывает профессиональную деятельность женщины, занимающейся проституцией: сначала она предоставляет свое телесное Я в абсолютное распоряжение Другого (причем безо всякой избирательности, в силу неразборчивости – промискуитета), второй раз вторжение происходит, когда женщина, занимающаяся проституцией, “позволяет” заразить себя тем или иным венерическим заболеванием клиенту, отказывающемуся использовать барьерные методы контрацепции. В связи с наличием ипохондрической фиксации, которая оказывается бессильной положить конец саморазрушительному обращению со своим Я, следует предположить доминирование наиболее архаического защитного механизма – расщепления самоидентичности и

отчуждения части Я, причем как на вертикальных уровнях самоидентичности, так и на горизонтальных. Моральное Я отщеплено от чувственно-го, анатомическое от эротического, любовное от агрессивного и т.д. Поскольку обесценивание и отрицание – наиболее популярные защиты, используемые испытуемыми, из статистических данных следует, что большая часть эмоционального напряжения разрешается за их счет, *идеализация* же используется редко. На наш взгляд, в данном случае речь идет о переработке специфического детского опыта наших испытуемых. В этом опыте, чрезвычайно травмирующем и фрустрирующем потребность в любви и привязанности, недостает объектов для идеализации, их “негде взять”. Возможно именно поэтому система защиты оказывается смещена в сторону механизмов отрицания и обесценивания – механизмов, приписывающих объекту “плохость” и ущербность. Мир объектов у испытуемых – это мир “тотально плохих” объектов, злых, пугающих, наказывающих и покидающих, а место для абсолютно хороших, идеализированных объектов оказывается “пустым” и ничем не заполненным. Таким образом, промискуитет – один из способов “заполнения” этой пустоты. Опираясь на сообщения испытуемых, можно с уверенностью утверждать: опыт этих женщин свидетельствует, что любой клиент может быть опасен и жесток. Вместе с тем, в их социальной среде существует своеобразная “мифология”, согласно которой у каждой девушки была в жизни хотя бы одна встреча с беспредельно добрым, холостым и богатым человеком, осыпавшем ее цветами и умолявшем выйти за него замуж. Таким образом формируется, а по сути, искусственно создается, репрезентация объекта, с которым Я связано аффектами любви и восхищения, в противовес существующим в реальности опасным объектам, с которыми Я связано лишь аффектами страха и ненависти.

Результаты статистического анализа данных.

Обратимся теперь к наиболее важным результатам формального (количественного) анализа результатов исследования (см. табл. 3). Как следует из полученных данных, у женщин, занимающихся проституцией, с возрастанием интенсивности эмоционального опыта насилия нарастают переживания гнева, деструктивные, агрессивные тенденции в сочетании с переживаниями собственной грандиозности. Образ девушки, занимающейся проституцией, чтобы “отомстить” насильнику или соблазнителю, приобретает неожиданное подтверждение в этих данных.

Фактически, “агрессивный” тип Я-репрезентации, несмотря на то, что это не самый типичный для этой группы вариант, оказывается одной из наиболее важных переменных. Переживание собственной деструктивной, разрушительной грандиозности с аффектом ярости связано у испытуе-

Таблица 3. Результаты статистического анализа данных

Переменные	Коэффициент корреляции Спирмена	Уровень значимости
Эмоциональный опыт насилия/Тип “агрессора”	0.47	$p < 0.01$
Эмоциональный опыт насилия/Тип “жертвы”	-0.41	$p < 0.05$
Эмоциональный опыт насилия/От- веты с детерминантной текстуры	0.44	$p < 0.05$
Тип “агрессора”/Обесценивание	0.55	$p < 0.01$
Тип “агрессора”/Соматизация аф- фекта	0.41	$p < 0.01$
Тип “агрессора”/Виктимные от- веты	0.84	$p < 0.01$
Тип “агрессора”/Крупные руки в изображении фигуры человека	0.51	$p < 0.01$

мых с защитным механизмом по типу обесценивания, соматизацией аффекта, виктимными ответами в протоколах Роршаха и низким уровнем зрелости автономии. Также этот параметр положительно коррелирует с наличием в “Рисунке человека” преувеличенно крупных рук, что, как известно, также интерпретируется как проекция агрессивных побуждений. В то же время, возрастает и внимание к собственным границам, в частности, телесным (возрастание количества ответов с детерминантой текстуры с тесте Роршаха).

Кроме того, в результате формального анализа установлено, что в протоколах женщин, занимающихся проституцией, феномен “инфантилизации” используется даже чаще, чем в контрольной группе пациентов с личностными расстройствами (соответственно, $p = 0.95$ и $p = 0.58$ по статистике Вилкоксона для независимых выборок). В ответах теста Роршаха инфантилизация проявляется в видении образов детских игрушек, детенышей животных, маленьких, беспомощных существ и связывается с самоощущением и самопрезентацией себя как маленького, безобидного, беспомощного. Таким образом, эти женщины демонстрируют большую степень эмоциональной незрелости, склонности к регрессу в опасной ситуации, а также тенденцию к тотальному отрицанию агрессии извне и отщеплению собственных агрессивных чувств. Репрезентация себя как маленького и беспомощного может иметь двоякий смысл. Таким образом осуществляется проективная идентификация с Зависимым и Ничтожным Я, служащая психологической защитой в небезопасной для жизни среде, в которой существуют женщины, занимающиеся проституцией. Этот стиль защиты (“Не тронь меня – я слишком мала и слаба, чтобы дать Тебе отпор!”) сопоставим с нервной анорексией, в психоаналитическом понимании означающей символический отказ от формирования зрелого, женственного телесного облика. Отщепленная агрессия обращается на самое себя и ста-

новится источником ипохондрических черт. Кроме того, такая инфантильность может иметь кокетливый, соблазняющий характер ("Тронь меня — я слишком мала и слаба, чтобы дать тебе отпор!"), и тогда она приобретает совершенно иной смысл. В свете гипотезы о перенесенном в детском возрасте насилии как этиологическом факторе личностных расстройств такая "провоцирующая беспомощность" может служить средством вовлечения Другого в привычный, единственно доступный паттерн межличностных отношений — паттерн взаимодействия насильника и жертвы, где оба партнера попеременно отыгрывают оба полюса своего садомазохистического Я.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, полученные в результате проективного исследования данные подтверждают выдвинутые гипотезы. Эмоциональный опыт женщин, занимающихся проституцией, содержит интенсивный опыт сексуального и физического насилия, причем интенсивность его превышает таковую как в среднем в популяции, так и в группе пациентов с личностными расстройствами. Как показывает анализ полученных данных, женщины, занимающиеся проституцией, обладают личностной организацией пограничного уровня.

Нарушение *пространственно-временного аспекта самоидентичности* ярче всего проявляется, несомненно, в феноменах нарушения границ телесного Я, однако затрагивают и более глубокие аспекты представления о себе и других людях. "Взаимозаменяемость" позиций Жертва-Преследователь от Я к объект-репрезентациям, смена ролевых позиций на полярно противоположные говорит о *временной нестабильности самоидентичности*, а произвольность противоречивых атрибуций то самому себе, то значимому Другому, а то и себе и Другому, указывает на слабую дифференциацию паттернов репрезентаций Я-Другой вследствие механизмов расщепления и проективной идентификации. Дефицит *полоролевой самотождественности* проявляется в недостаточно адекватной и определенной половой идентификации этих женщин, замаскированной "фальшивой", нарочитой женственностью, призванной скрыть негативно-враждебное отношение к собственному телу.

Развитие ребенка "в контексте" различных форм насилия приводит к интернализации всемогущих и жестоких объектов, что вызывает стремление выжить путем полного рабского подчинения и пассивности, но идентификация с жестоким объектом позволяет проявиться собственной ярости и гневу. Репрезентации объектов остаются либо грандиозными и всемогущими, либо становятся беспомощными и ничтожными, отражая систему объектных отношений у нарциссической личности. Ипохондрическая идеализация "теле-

сно здорового Я" также указывает на данный тип личности, хотя и в дефицитарном, неполном выражении. Развивающаяся в связи с пережитым в детстве насилием самоидентичность описанного типа, в свою очередь, приводит к формированию в позднем подростковом и раннем юношеском возрастах специфических паттернов поведения, традиционно понимаемых как девиантные, с нашей же точки зрения, представляющие собой виктимность особого рода.

Таким образом, особенности самоидентичности, репрезентаций Я и объектов, выявленные в настоящем исследовании, позволяют квалифицировать женщин, занимающихся проституцией, как обладающих нарциссической личностной организацией пограничного уровня, а феномен проституции рассматривать не только как форму антисоциального поведения, но и как единый сложный комплекс нарушения самосознания и стиля личности, демонстрирующий общность психологических механизмов, этиологии и патогенеза патологической личностной структуры и развития девиантного поведения. Напомним также, что в обследовании принимали участие "уличные" проститутки, зараженные сифилисом, т.е. фактически "изнасилованные" привнесенным профессией заболеванием. Конечно, было бы наивно (или цинично) не принимать в расчет, что для большинства женщин проституция сегодня — это еще и способ материально выжить, прокормить себя и своих близких. В этой связи мы вполне отдаем себе отчет в недостаточной полноте исследования, необходимости его дополнения изучением социально-психологических аспектов, что и должно составить ближайшую перспективу и продолжение настоящего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голосенко И.А., Голод С.И. Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб.: Петрополис, 1998.
2. Голод С.И. Сексуальная эмансипация женщин и проблема Другого // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Том 2. № 2 (опубликовано во всемирной сети Интернет).
3. Дорожевец А.Н., Соколова Е.Т. Исследование образа физического Я: некоторые результаты и размышления // Телесность человека: междисциплинарные исследования. М., 1991.
4. Ильина С.В. Влияние насилия, пережитого в детстве, на формирование личностных расстройств // Вопросы психологии. 1998. № 6. С. 65–78.
5. Ильина С.В. Эмоциональный опыт насилия и пограничная личностная организация при расстройствах личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук М., 2000.
6. Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубника на березке. М.: О.Г.И., 1997.
7. Кернберг О. Отношения любви. М.: Класс, 2000.

8. Кернберг О. Агрессия при расстройствах личности. М.: Класс, 1998.
9. Кузнецов М. Проституция и сифилис в России. Историко-статистические исследования. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1871.
10. Лэонтиу Ф. Особенности половой идентичности у пациентов с личностными расстройствами: Автореф. ... канд. дис. М., 1999.
11. Приклонский И.И. Проституция и ее организация. Исторический очерк. М.: Изд. А. Карцева, 1903.
12. Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. М.: МГУ, 1980.
13. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: МГУ, 1989.
14. Соколова Е.Т., Николаева В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М.: Сvr-Аргус, 1995.
15. Соколова Е.Т. Исследовательские и прикладные задачи в психотерапии личностных расстройств // Клиническая и социальная психиатрия. 1998. № 2. С. 82–92.
16. Тайсон Ф., Тайсон Р.Л. Психоаналитические теории развития. Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
17. Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм. СПб.: Изд-во К. Риккера, 1888.
18. Шерток Л., де Соссюр Р. Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда. М.: Прогресс, 1991.
19. Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ. М.: Прогресс, 1996. Т. 1.
20. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
21. Bachmann G.A., Moeller T.P., Bennet J. Childhood sexual abuse and the consequences in adult women // Obstetrics and Gynecology. 1988. April. 71 (4). P. 631–642.
22. Akhtar S. Identity diffusion syndrom // American Journal of Psychiatry. 1984. 141D.
23. Brannigan A., Van-Brunschot E.G. Youthful prostitution and child sexual trauma // International Journal of Law Psychiatry. 1997. Summer. V. 20(3). P. 337–354.
24. Cahill C., Llewelyn S.P., Pearson C. Long-term effects of sexual abuse which occurred in childhood: A review // British Journal of Clinical Psychology. 1991. V. 30 (2). P. 12–21.
25. Fisher S., Cleveland S. Body image and personality. N.Y., 1958.
26. Hibbard R.A., Hartman G.L. Genitalia in human drawings: childrearing practices and child sexual abuse // J. of Pediatrics. 1990. May. V. 116(5). P. 822–828.
27. Hibbard R.A., Hartman G.L. Emotional indicators in human figure drawings of sexually victimized and non-abused children // J. of Clinical Psychology. 1990. March. V. 46(2). P. 211–219.
28. Kernberg O. Severe personality disorders. N.Y., Jason Aronson, 1989.
29. Kwaawer J.S., Lerner H.D., Lerner P.M., Sugarman A. Borderline phenomena and the Rorschach Test. N.Y., International Universities Press. Inc. 1981.
30. Marwitz G., Hornle R. Prostitution – a sequelae of sexual abuse // Gesundheitswesen. 1992. October. V. 54(10). P. 569–571.
31. Marwitz G., Hornle R., Luber E.M. Prostitution as a form of coping with childhood sexual abuse with its sequelae // Offentl-Gesundheitswesen. 1990. November. V. 52 (11). P. 658–660.
32. Nigg J.T., Silk K.R., Westen D., Lohr N.E., Gold L.J., Goodrich S., Ogata S. Object representation in the early memories of sexually abused borderline patients // American Journal of Psychiatry. 1991. V. 148(7). P. 864–869.
33. Salzman J.P. Etiology of borderline personality disorder // American Journal of Psychiatry, 1988. V. 155(11). 1626aa.
34. Seng M.J. Child sexual abuse and adolescent prostitution: a comparative analysis // Adolescence. 1989. Fall. V. 24(95). P. 665–675.
35. Weber F.T., Gearing J., Davis A., Conlon M. Prepubertal initiation of sexual experiences and older first partner predict promiscuous sexual behavior of delinquent adolescent males – unrecognized sexual abuse? // J. of Adolescence Health. 1992. November. V. 13(7). P. 600–605.
36. Witkin H.A. Psychological differentiation. N.Y., 1974.

THE ROLE OF EMOTIONAL EXPERIENCE OF VIOLENCE FOR SELF-IDENTITY OF WOMEN OCCUPIED WITH PROSTITUTION

E. T. Sokolova*, S. V. Ilyina**

*Dr. Sci. (psychology), professor of the chair of neuro- and pathopsychology, MSU

**Cand. Sci. (psychology), psychologist in psychiatric clinic № 12, Moscow

In accordance with modern researches, violence experienced in childhood is a predictor to forming the marginal personal organization. That's why the hypothesis that women occupied with prostitution have such a personal structure may be advanced. The empirical research was made and confirmed this supposition. The women occupied with prostitution report about the sexual and physical violence experienced in childhood more often than persons from control group; the traits of the typical marginal persons such as person's diffusion, the low level of cognitive self-image support with high field-dependence and intensive involvement of affective components, the use of the primitive defensive mechanisms are also usual for them. The specific parameters of self-image of women occupied with prostitution particularly connected with this kind of activity and child's emotional experience are discussed.

Key words: women occupied with prostitution, self-identity, false bodily I, diffusion, splintering.